

РОМАН «БЕДНЫЕ ЛЮДИ» В КОНТЕКСТЕ ПИСЕМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ВРЕМЁН КУЗНЕЦКИХ СОБЫТИЙ¹³

Е.Д. Трухан

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бедные люди», Кузнецк, кузнецкий период, письма, творческое сознание автора.

Keywords: F.M. Dostoevsky, «Poor Folk», Kuznetsk, Kuznetsk period, letters, creative consciousness of the author.

DOI 10.14258/filichel(2021)3-08

В последнее время в достоевсковедении появились научные работы, представляющие новые исследовательские взгляды на роман «Бедные люди» (1845). Они выходят за рамки традиционных представлений (см., например: [Ермилов, 1956; Фридлендер, 1964; Кирпотин, 1978]; Кирпотин, 1980; Нечаева, 1979; Назиров, 1982; Богданова, 1997; Ветловская, 1988] и дают новую аксиологическую оценку произведению, тем самым пересматривая его место в литературном наследии писателя и мировой литературе. Среди исследователей, которые формируют такой корпус работ К.А. Баршт [1982; 1994; 2009; 2009а; 2010; 2012; 2014], Н.Е. Разумова [2009], С.М. Шаврыгин [2010] и др.

В данной статье мы обратимся к эпистолярию Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий (1855–1857), который, на наш взгляд, также помогает расширить границы понимания романа «Бедные люди».

Один из известных советских литературоведов А.С. Долинин, воспользовавшись «возможностью следить шаг за шагом за всеми этапами творческой работы писателя» [Долинин, 1947, с. 4], в книге «В творческой лаборатории Достоевского» определил на примере романа «Подросток» несколько фаз создания сложного и многоуровневого романного полотна. Среди них он отметил появление «различных литературных откликов», которые возникают, когда «воображение художника неудержимо работает по самым отдалённым ассоциациям, пока не начинают выделяться какие-то образы с более определёнными чертами, соответственно уже намечающимся каким-то идеям: будущие герои романа» [Долинин, 1947, с. 4].

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002.

Подобные отклики рождаются у Достоевского не только в процессе работы над художественным произведением, но и в эпистолярной. Во времена кузнецких событий они извещают об особой ситуации, происходящей в творческом сознании автора — интенсивном литературном процессе, острой постановке эстетического вопроса в эпистолярном дискурсе. В этом смысле отклики выполняют функцию своеобразных маркеров. С одной стороны, «сигналият», что мы имеем дело не с бытовым посланием и не с обычным информационным сообщением, а со сложной эпистолярной структурой с элементами художественного текста. С другой стороны, определяют направления, критерии и рамки эстетических поисков писателя. Вторично возвращаясь в литературу, Ф.М. Достоевский вновь проходит известный ему по раннему творчеству путь: от реальности к эпистолярному посланию, а затем от эпистолярного текста — к художественному. Разница лишь в том, что этот путь, опять осуществляемый адресатом на эпистолярной платформе, становится гораздо более сложным и запутанным.

А. С. Долинин утверждает, что за «откликами» у Достоевского следует новая фаза творческой работы — выбор и окончательное определение эстетического идеала. В эпистолярных посланиях времён кузнецких событий появляются разнообразные отклики и реминисценции из русской и зарубежной литературы (Н.В. Гоголь, М. Ж.Э. Сю, Дж. Теннер, А.Р. Лесаж, Ж.Б. Мольер, Д. Дефо), но именно прямая адресация к «Бедным людям», отклики на данный роман однозначно говорят о том, что эстетическим идеалом в момент второго вхождения писателя в литературу становится его собственный ранний роман в письмах.

В эпистолярной 1855–1857 годов встречаются четыре фрагмента, посвященные «Бедным людям». Рассмотрим их более подробно.

Прежде всего, обратим внимание на послание А.Е. Врангелю от 23 марта 1856 года, где роман «Бедные люди» появляется дважды. Первое упоминание «Бедных людей» представляет собой точку зрения писателя на своего «первенца» с высоты прожитых лет. Благодаря широкому контексту вырисовывается аксиологическая значимость романа для Достоевского, уже пережившего каторжные годы:

Хочу формально просить печатать. Если позволят, то я на всю жизнь с хлебом. Теперь не так, как прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму! Надеюсь написать роман (к сентябрю) получше «Бедных людей». Ведь если позволят печатать (а я не верю, слышите: не верю, чтоб этого нельзя было выхлопотать), ведь это гул пойдет, книга раскупится, доставит мне деньги, значение, обратит на меня внимание правительства, да и возвращение придет скорей. <...>

Ведь, главное, никто не знает ни сил моих, ни степени таланта, а на это-то, главное, я и надеюсь (Федор Достоевский, 1985, с. 214).

После Омского острога писатель воспринимает «Бедных людей» как знаковый рубеж, символ необычайного литературного успеха, синоним понятия «идеальное во всех смыслах литературное произведение». В его семантическое поле он включает многие смыслы: официальное разрешение на печать своих творений; нормализацию отношений с правительством; достойный гонорар, позволяющий автору зарабатывать литературным трудом, кормить себя и свою семью; основательно созревшие, оформившиеся в творческом сознании, писательские замыслы; «энергию к письму» (Федор Достоевский, 1985, с. 214), внутреннюю тягу писать; высокую оценку произведения известными критиками и коллегами-литераторами ещё до его выхода в печать; признание широкой читательской аудитории; значительный уровень продаж художественного произведения; заслуженное место и вес автора в литературной среде; собственные оригинальные активы, творческий потенциал, которые раскроют писателя с неожиданной стороны и перед читателем, и перед самим собой.

Выбор «Бедных людей» в качестве эстетического идеала прочитывается как повторное восхождение на высшую творческую позицию с целью самоопределения новой эстетической. Дебютный эпистолярный роман становится важнейшей точкой отсчета, эталоном высокохудожественного письма, ориентиром для будущих творений. Это — высшая ступень, но её следует перешагнуть. Только вторичное достижение высоты и её преодоление гарантируют Достоевскому возвращение в литературу. Эти же смыслы, связанные с новым восприятием «Бедных людей» в 1850-е годы, раскрываются в письме к брату Михаилу от 24 марта 1856 года, где мы встречаем второе упоминание романа:

... я бы добился до позволения печатать. Полежаев, Марлинский печатали же. Тогда я и обеспечен и по-здешнему даже богат (от литературы я многого ожидаю. Представь себе сочинение замечательное, как «Бедные люди»; и тогда на меня все обратят внимание даже свыше). <...> если б мне и отказали, то 1-й год брака я бы мог обеспечить себя и жить, не прибегая, наприм<ер>, к тебе с просьбою помочь... (Федор Достоевский, 1985, с. 220).

Факт утверждения отклика на самого себя, самореминисценции, знаменателен. Это ретроспекция и интроспекция одновременно, возвращение к себе прошлому для поиска себя будущего, создания себя лучшего. Важно, что самоопределение происходит именно в эпистолярном дискурсе. Погружение в эпистолярный — стихию бесконечного

самотворчества, самопереписывания и саморедактирования — было свойственно Достоевскому. Эту мысль ёмко сформулировал известный российский достоевковед К.А. Баршт: «Осознанное формирование своего голоса или «слога» (письменного фигуратива авторского «голоса») было основным вектором жизни Достоевского не только на подступах к его первому роману «Бедные люди», но и на протяжении всего творческого пути, вплоть до «Пушкинской речи» 1880 г. Особую роль в формировании жанров и повествовательных инстанций в творчестве Достоевского играла, начиная с ранней юности и вплоть до последних произведений писателя, эпистолярная коммуникация» [Баршт, 2012, с. 27].

Эпистолярные тексты Достоевского во время создания «Бедных людей» и в период «грозного чувства» имеют много эмоционально-чувственных и мыслительных пересечений. Это говорит о сходных переживаниях, которые испытывал автор эпистолярия в разные моменты жизни, о единой природе литературного творчества и самотворчества, в том числе — реализующегося через любовь к женщине. В обоих случаях он проявляет себя как автор эпистолярного любовного текста, только в первом пишет его художественный вариант, вжившись в вымышленных литературных героев, а во втором — развивает сюжет любовного романа собственной жизнью, становится в реальности одновременно повествователем и персонажем непридуманной истории, парадоксально перекликающейся с созданным ранее текстом художественной литературы.

Литература как другая реальность занимает особое место в послекаторжный период Достоевского. И это не чужое Слово, а собственное — эпистолярный роман «Бедные люди». Он входит в новый текст Достоевского и «запускает» необратимый и сложный процесс, который Л.И. Сараскина называет «эффekten самоумножения литературы» [Сараскина, 2011, с. 131]: «...первый роман Достоевского стал и в самом деле картиной и зеркалом, выражением страсти и документом; тяга к творчеству, ставка на призвание, упорный труд новичка зафиксировались в «Бедных людях» документально — в виде целой библиотеки «чужих рукописей» [Сараскина, 2011, с. 132].

Решение задачи вновь достичь художественно-эстетического уровня «Бедных людей», то есть воспользоваться этой «библиотекой», а затем совершить качественный переход за её пределы, тесно связано с продолжением пути Макара Девушкина, с тем аспектом самотворчества, где *«слог теперь формируется»* (Федор Достоевский, 1972, с. 108). В отличие от своего героя, Достоевский уже освободился от метаний,

сомнений, обид и страхов по поводу пути в литературе, окончательно осознал его единственность, созрел и утвердился в мысли, что литература — это его жизнь. Не писать стало для него великой мукой. «...*Сколько я мук терпел оттого, что не мог в каторге писать*», — признаётся он в январе 1856 года А. Н. Майкову (Федор Достоевский, 1985, с. 209). Тем не менее, странноватый литературный герой Макар Деушкин и в послекаторжное время не покидает Достоевского. Напротив, продолжает жить в его творческом сознании, организуя связи с другими «персонажами», возникающими уже в нехудожественной реальности. Этот процесс внутренней работы писателя соединен с пасхальным мотивом воскресения, возрождения к новой жизни и с выбранным им направлением экзистенциального эстетического поиска [Разумова, 2009].

Охваченный процессом самотворчества, литературно выстраивающий себя Достоевский отмечает влияние литературы и на эпистолярный дискурс. Переписка времён кузнецких событий демонстрирует новый этап его внутренней жизни, где зыбки границы между действительностью и художественным миром, где сквозь частную жизнь личности отчётливо проступает творческое поведение, и бытовой поступок индивидуума перетекает в литературный жест. Продолжая удерживать в творческом сознании «Бедных людей», Достоевский в эпистолярии кузнецкого периода вдруг¹⁴ указывает на точку соприкосновения реальности и литературы, событий в Кузнецке и сюжетной линии своего первого романа в письмах. В письме А.Е. Врангелю 23 марта 1856 года, писатель обозначает метаморфичность¹⁵ знакового момента:

Беденькая! Она измучается. Ей ли с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем. Она в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!) (Федор Достоевский, 1985, с. 218).

Это третье упоминание романа «Бедные люди» в переписке Достоевского времён кузнецких событий. Изумившая писателя догадка о перекочёвывании сюжета из литературы в реальность сопровождается прозрением. Роман «Бедные люди» неожиданно для него раскрывается с неочевидной стороны — становится носителем провидческой эстетики. Иными словами, с ним оказывается связана та самая худо-

¹⁴ Слово «вдруг» напрямую связано с процессом создания романа «Бедные люди», входит в семантическое поле осуществления замысла произведения. В январском номере «Дневника писателя» 1877 года Достоевский дважды указал на то, что работу над романом начал «вдруг», резко изменив свои прежние планы, в начале зимы 1844 года.

¹⁵ Термин исследователя С.М. Шаврыгина.

жественная неожиданность, о которой Достоевский говорил в письме А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 года.

Проживая себя как герой романа «Бедные люди» на страницах писем середины XIX века, воспринимая окружающих персонажами раннего эпистолярного романа, Достоевский значительно углубляет сентиментальную, социально-историческую, бытовую и, особенно, — любовную линии своей жизни, ведёт работу над пророческими и жизнетворческими модусами собственной судьбы. Последнее видится в продолжении эпистолярного романа «Бедные люди» в реальности: развитии любовного кузнецкого сюжета на страницах писем, сравнении Марии Дмитриевны с Варенькой Доброселовой, переключках качеств реальных и литературных героев, а также в разработке ключевых мотивов (бедности, денег, хрупкости и иллюзорности мечтаний, невозможности изменения жизненных обстоятельств и др.). Здесь важен и разговор о судьбе первого брака Достоевского, «о цене, которую порой приходилось платить за эйфорию восприятия жизни как своего рода эстетического феномена» [Гречишкин, Лавров, 2004, с. 61].

Если в движении к «Бедным людям» творческой лабораторией Достоевского стала переписка только с одним адресатом — братом Михаилом, то после каторги постоянными адресатами писателя оказываются сразу несколько человек.

Во-первых, Мария Дмитриевна Исаева: женщина-Муза, интересная эпистолярная собеседница, потенциальная литературная героиня. *«Она вполне мне пара. Мы одинакового образования, по крайней мере, понимаем друг друга, одних наклонностей, правил. Мы друзья издавна. Мы уважаем друг друга, я люблю ее...»*, — откровенно обозначал Достоевский родной сестре В.М. Карепиной духовные скрепы со своей корреспонденткой (Федор Достоевский, 1985, с. 261–262).

«... Мы переписывались каждую почту» (Федор Достоевский, 1972–1990, 28/1, с. 261), *«Каждую неделю мы переписываемся»* (Достоевский, 1985, с. 202), — сообщал он важную информацию о количественном статусе данного эпистолярия. Что касается его качества, то судить о нём можно только по единственному сохранившемуся письму от 4 июня 1855 года. Именно его поэтика представляет некоторые особенности нового авторского слова на грани эпистолярного и художественного текстов. Письма Достоевского к Исаевой — это своего рода альтернативный вариант развития «Бедных людей»: вынужденное реальное расставание переводит переписку персонажей на новый виток, и в конце концов слёзы и «прощание навсегда» оборачиваются венчанием главных героев. Непредсказуемость в разрешении событий и кон-

фликтов, многочисленные варианты сюжетных линий героев, их судеб впоследствии мы встретим в романах «Униженные и оскорблённые», «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы».

Вторым значимым адресатом Достоевского в 1850-е годы становится барон А.Е. Врангель — адвокат, областной прокурор Семипалатинской области, стряпчий казенных и уголовных дел, поверенный «грозного чувства» писателя. Именно через письма к нему мы получаем основную информацию о событиях в Кузнецке, о всех перипетиях первой любви Достоевского. Это особая переписка. Её можно назвать «второй редакцией» писем к Исаевой или заново переписанным для другого лица, друга, любовным романом писателя. Важно, что сюжет его остаётся тем же, но меняется коммуникативная позиция рассказчика, ракурс представления истории. В этом смысле письма Достоевского к Врангелю прочитываются как письма-двойники. Так своеобразно тема двойничества вновь находит творческое воплощение, но уже в эпистолярной.

В-третьих, среди эпистолярных собеседников стоит упомянуть Елизавету Михайловну Неворотову, молодую торговку калачами с семипалатинского базара. Достоевского к ней по стилистике напоминали «Бедных людей». Сохранившиеся отрывочные сведения об их содержании, например, полученные от Нины Готфридовны Никитиной — племянницы Неворотовой, говорят о литературности этого эпистолярия. Никитина уверяет, что Фёдор Михайлович, главным образом на правах старшего, давал Е.М. Неворотовой советы и наставления и «подкреплял её в борьбе», «иногда писал ей комплименты» [Феоктистов, 1928, с. 124]. В контексте размышлений о самотворчестве и литературности поведения Достоевского Никитина сделала очень важный вывод: «Скорее, он писал для себя, забывая своего адресата, писал то, что накопилось невысказанным за долгие тяжелые и одинокие дни. Та искренность и теплое чувство, которым были пропитаны послания Достоевского, говорят уже о том, что он сам был рад возможности взяться за перо и писать человеку, бесхитростно ориентирующемуся в своих переживаниях» [Феоктистов, 1928, с. 124].

Добавим, что известный достоевковед И.Л. Волгин, рассказывая о переписке с Неворотовой, также внёс существенное замечание: «... в своих письмах, касающихся М.Д. Исаевой, Достоевский неоднократно повторяет: «я честный человек». Он желает созидать свои отношения с будущей женой именно на этом фундаменте. Но, как выясняется, с «Лизанькой» он ведет себя точно таким же образом. Губенко излагает содержание писем: «признавался в любви Неворотовой и настойчиво искал её руки, предлагая свою жизнь в помощь воспитания её малолетних

сестёр» [Волгин, 2013, с. 1047]. Подобное поведение адресанта, думается, не стоит трактовать как личностную непорядочность или бытовой проступок, отклонение от морально-этических норм; не стоит уводить разговор и в сторону ветрености мужской натуры. В новых расширившихся эпистолярных обстоятельствах Достоевский проявляет себя не иначе как писатель. Творческое поведение адресанта в реальности, мысли о собственной жертве в контексте совершенно невозможного гипотетического брака поддерживают версию о глубокой литературности эпистолярного текста после каторги, утверждают факт существования промежуточного, эпистолярно-художественного текстового варианта, в основном, к сожалению, утраченного. Своими корнями этот вид эпистолярного дискурса уходит в роман «Бедные люди». И, что показательное, именно он, жанрово решенный как интимно-дружеское послание к женщине, становится спасительным для художника слова.

Важную роль в появлении эпистолярного текста, через который пробиваются «ростки» художественного, играют особенные образы адресаток. Судьбы их незавидны, но не могут не тронуть Достоевского. Сама реальность будто сочиняла героинь, образы которых были парадоксально сходны и остро отзывались в его сердце. Елизавета Михайловна — «набожная», «сирота, одинокая девственница, воспитывавшая большую семью сестёр и братьев», отдала себя в жертву, заглушила собственные «интересы к жизни и возможному счастью» [Феоктистов, 1928, с. 123]. Мария Дмитриевна — вдова бедного чиновника, внезапно умершего в маленьком и незнакомом сибирском городе, очень религиозная, гордая, с малолетним ребёнком на руках, без средств к существованию... Стоит вспомнить, что в письмах кузнецкого периода Достоевский, подробно рассказывая о существовании у Марии Дмитриевны отца и других родственников, тут же утверждает, что она «*вдова и сирота в полном смысле слова*» (Федор Достоевский, 1985, с. 261). То есть вновь видит её более как литературную героиню, нежели как реального человека. Отметим, но и судьба интимно-дружеского эпистолярного Достоевского к Исаевой и Неворотовой оказалась почти одинакова: более двух десятков тайных писем к молодой калашнице, «длинных, написанных одинаковым, но нервным почерком» [Феоктистов, 1985, с. 123], почти никем не читанных, пропали в Семипалатинске в 1919 году, а двухлетняя переписка с Марией Дмитриевной оказалась уничтоженной А.Г. Сниткиной (Достоевской), второй женой писателя.

Увеличение числа важных для писателя адресатов производит непредсказуемую для самого автора реакцию между действительностью, эпистолярием и художественным текстом. Сам же автор, становясь про-

должением текста литературного, в свою очередь, начинает выстраивать реальную жизнь по законам литературного произведения, развиваться в его логике. Чего стоит, например, появление во многих письмах конспективных набросков посланий другим лицам. Созданные Достоевским от имени адресата (А.Е. Врангеля он дважды просит писать М.Д. Исаевой, М.М. Достоевского — С.А. Ламоту и опять же М.Д. Исаевой), они представляют собой попытку автора-демиурга взять под контроль развитие жизненного сюжета, выстроить реальность в соответствии с логикой литературного произведения и собственными представлениями о развитии житнетекста.

Творческое поведение Достоевского в эпистолярном дискурсе в XXI веке эксплицируется и в других аспектах. Перечислим некоторые из них. Например, оно заметно в продвижении сюжетной линии, связанной с семьей Исаевых. Об этом он пишет А.Е. Врангелю, М.М. Достоевскому, В.М. Карепиной, Э.И. Тотлебену, И.В. Ждан-Пушкину, Д.С. Константу. Оставаясь целостным, сюжет семейной истории обогащается, приобретает свежие вариации и обертоны или вовсе сворачивается до *«обстоятельства чисто личного»* (Федор Достоевский, 1985, с. 225). В реальности сохраняется типология «героев», сохраняется проблематика «жизне-произведения» Достоевского: бывший каторжник, бесправный бессрочный солдат и бедная вдова чиновника — те самые «бедные люди» — вновь ощущают крайние нужды в деньгах, каждодневно думают о «куске хлеба», а для организации их свадьбы и венчания требуется всё, вплоть до рубашек. До и во время кузнецкого венчания остаётся недосказанность, до последнего остаётся интрига, непредсказуемость и вариативность в развитии событий, в разрешении кузнецкого любовного треугольника (*«если не помешает одно обстоятельство, то я до масленицы женюсь»*) (Федор Достоевский, 1985, с. 252). В письме к М.Д. Исаевой в двух словах намечается разговор о наследстве и бабушке с моськами. К слову, типологически схожий персонаж позднее мы увидим в «Униженных и оскорбленных»: графиня с собачками, одну из которых дрессирует Алеша Валковский, как будто выходит в литературный мир из письма Достоевского от 4 июня 1855 года.

Кроме того, в эпистолярии возникает «сырой материал» для творчества — новые темы, мотивы, образы, которые впоследствии смогут получить литературное развитие. К примеру, существует «свернутая», вполне в стилистике Достоевского, история с одолжившим деньги на свадьбу Н.Н. Ковригиным. Или контурно обозначается гипотетическая «линия гибели» Марии Дмитриевны — новой Вареньки Доброселовой — в Кузнецке:

... И не оставит ли он ее впоследствии, через несколько лет, когда еще она <нрзб>, не позовет ли он ее смерти! Что с ней будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? (Федор Достоевский, 1985, с. 235).

Сложное взаимодействие событий реальности, эпистолярная и литературного текста фактически открывает следующую страницу художественного мира Достоевского — роман «Униженные и оскорблённые», который может быть прочитан как продолжение «Бедных людей». Подтверждением тому служат постоянные апелляции к этому роману, чтение и обсуждение его персонажами, и, конечно, четвертое упоминание его в переписке Достоевского кузнецкого периода — в письме к М.М. Достоевскому от 3 ноября 1857 года. Рассказывая о своих ближайших литературных планах, наряду с грандиозным по масштабам произведением «величиною с Диккенсовы романы» (Федор Достоевский, 1985, с. 281), который так и не увидел свет, он упоминает повесть «Село Степанчиково и его обитатели» и «роман из петербургского быта, вроде “Бедных людей” (а мысль еще лучше “Бедных людей”）」 (Федор Достоевский, 1985, с. 289), то есть роман «Униженные и оскорбленные».

Интересно, что некоторые писательские суждения, пунктирно намеченные в эпистолярной 1850-х годов, обретут в «Униженных и оскорбленных» художественную плоть. Так, сначала упомянутый князем Валковским, а затем внезапно явившийся в эпилоге антрепренёр — «драгоценнейший Александр Петрович» (Федор Достоевский, 1972, с. 423) — становится воплощением «образа с более определёнными чертами» [Долнин, 1947, с. 4], реализующего эпистолярную идею Достоевского о популярности автора в читательской среде и литературном продвижении.

Подчеркнём, что большинство фрагментов эпистолярная, касающихся романа «Бедные люди», возникают у Достоевского в марте 1856 года, то есть за три месяца до его поездок в Кузнецк. Иначе говоря, литературные сюжеты, параллели и ассоциации, вовлекающие реальных героев в романский круг, оказываются порождены исключительно художественным текстом. В контексте его постоянно живет автор, формирующий личное представление о Кузнецке через эпистолярные (М.Д. Исаева) и случайные городские источники (разговоры друзей, намёки, слухи и сплетни «кузнецких кумушек» и др.). Словом, уже в письмах 1850-х годов появляется другой информационный круг, опосредованно связанный с развитием событий, но значимый в художественном мире зрелого Достоевского. Эпистолярный текст, способный вместить в себя разножанровые элементы, после каторги вновь превращается в творческую лабораторию Достоевского. Здесь он заново учится владеть художественным

материалом, вырабатывает новые качества письма. По своей функции эпистолярный 1850-х годов приближается к рабочему черновику, творческой тетради, где происходит апробация изобразительно-выразительных средств, поиск образов и сюжетных линий.

В заключение добавим, что Достоевский неоднократно возвращался к роману «Бедные люди», переписывал его (известны редакции 1847, 1860 и 1865 годов), то есть долгое время продолжал жить в его контексте. Этот факт проливает свет на особенности авторского творческого мышления, реализацию пророческих и житнетворческих модусов этого текста и, несомненно, на его связь с кузнецкими событиями биографии писателя.

Библиографический список

Баршт К.А. «Маленькая рама» эпистолярного романа. Ранние письма Ф.М. Достоевского и роман «Бедные люди» // Литературная учеба. 1982. № 4.

Баршт К.А. Две переписки. Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура. М., 1994. № 3.

Баршт К.А. «Бедные люди» Ф. М. Достоевского: «орден» и иные «награждения» Макара Девушкина: дополнения к комментарию // Достоевский и мировая культура. № 25. М., 2009.

Баршт К.А. Чиновник 9-го класса Макар Алексеевич Девушкин («Бедные люди» Достоевского. Дополнение к комментарию) // Новый филологический вестник. 2009а. № 1 (8).

Баршт К.А. «Бедные люди» Достоевского в литературном и историко-культурном контексте // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19.

Баршт К.А. Эпистолярная форма и двойная наррация в повествовательной модели Ф. М. Достоевского // Достоевский: Философское Мышление, Взгляд Писателя. СПб., 2012.

Баршт К.А. Двойной повествователь и двойной персонаж в «незакрытом» диалоге Ф. М. Достоевского (от «Бедных людей» к «Двойнику») // Вопросы философии. 2014. № 2.

Богданова О.А. Ф.М. Достоевский // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М., 1997.

Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988.

Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи: очерки и публикации. СПб., 2004.

Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского (история создания романа «Подросток»). М, 1947.

- Ермилов В.В. Ф.М. Достоевский. М., 1956.
- Кирпотин В.Я. Избранные работы в трех томах. М., 1978. Т. 2–3.
- Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. Этюды и исследования. М., 1980.
- Назирова Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов, 1982.
- Нечаева В.С. Ранний Достоевский 1821–1849. М., 1979.
- Разумова Н.Е. «Стихи» и «фальбала»: формирование экзистенциального дискурса в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» // Литературный календарь: книги дня. 2009. № 4 (1).
- Сараскина Л.И. Достоевский. М., 2011.
- Феоктистов Н.В. Пропащие письма Достоевского // Сибирские огни. 1928. № 2.
- Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964.
- Хроника рода Достоевских. Волгин И.Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. Мю, 2013.
- Шаврыгин С.М. Жанровая структура и структуры художественного сознания (на примере романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (49).

Источники

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990.

References

- Barsht K.A. «*Malen'kaya rama*» *epistolaryaroma*. *Rannie pis'ma F. M. Dostoevskogo i roman «Bednye lyudi»*. [The “Little Frame” of the epistolary novel. Early letters of F. M. Dostoevsky and the novel “Poor Folk”]. In: *Literaturnaya ucheba*. [Literary studies]. 1982. No 4.
- Barsht K.A. *Dve perepiski. Rannie pis'ma F. M. Dostoevskogo i ego roman «Bednye lyudi»*. [Two conversations. Early letters of F.M. Dostoevsky and his novel “Poor Folk”]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture]. Moscow, 1994. No 3.
- Barsht K.A. «*Bednye lyudi*» *F.M. Dostoevskogo: «orden» i inye «nagrazhdeniya» Makara Devushkina: dopolneniya k kommentariyu*. [“Poor Folk” by F. M. Dostoevsky: “order” and other “awards” by Makar Devushkin: additions to the commentary]. In: *Dostoevskij i mirovaya kul'tura*. [Dostoevsky and World Culture]. Moscow, 2009. No 25.
- Barsht K.A. *Chinovnik 9-go klassa Makar Alekseevich Devushkin («Bednye lyudi» Dostoevskogo. Dopolnenie k kommentariyu)*. [The official

of the 9th class Makar Alekseevich Devushkin (“Poor Folk” by Dostoevsky. Addendum to the comment)]. In: *Novyj filologicheskij vestnik*. [New Philological Bulletin]. 2009a. No 1 (8).

Barsht K.A. «Bednye lyudi» Dostoevskogo v literaturnom i istoriko-kul'turnom kontekste. [Dostoevsky's “Poor Folk” in the literary and historical-cultural context]. In: *Dostoevskij: materialy i issledovaniya*. [Dostoevsky: materials and researches]. St. Petersburg, 2010. Vol. 19.

Barsht K.A. *Epistolyarnaya forma i dvojnaya narraciya v povestvovatel'noj modeli F.M. Dostoevskogo*. [Epistolary Form and Double Narrative in F. M. Dostoevsky's narrative Model]. In: *Dostoevskij: Filosofskoe Myshlenie, Vzglyad Pisatelya*. [Dostoevsky's Philosophical Thinking, The Opinion Of The Writer]. St. Petersburg, 2012.

Barsht K.A. *Dvojnnoj povestvovatel' i dvojnnoj personazh v «nezakrytom» dialoge F. M. Dostoevskogo (ot «Bednyh lyudej» k «Dvojniku»)*. [Double narrator and double character in the “unclosed” dialogue of F. M. Dostoevsky (from “Poor Folk” to “Double”)]. In: *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy]. 2014. No 2.

Bogdanova O.A. *F.M. Dostoevskij*. [F. M. Dostoevsky]. In: *Natural'naya shkola i ee rol' v stanovlenii russkogo realizma*. [The “Natural School” and its Role in the Development of Russian Realism]. Moscow, 1997.

Vetlovskaya V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»*. [The novel by F.M. Dostoevsky “Poor Folk”]. Leningrad, 1988.

Grechishkin S.S., Lavrov A.V. *Simvolisty vblizi: ocherki i publikacii*. [Symbolists near: Essays and publications]. St. Petersburg, 2004.

Dolinin A.S. *V tvorcheskoi laboratorii Dostoevskogo (istoriya sozdaniya romana «Podrostok»)*. [In the creative laboratory of Dostoevsky (the story of the creation of the novel “The Teenager”)]. Moscow, 1947.

Ermilov V.V. *F.M. Dostoevskij*. [F. M. Dostoevsky]. Moscow, 1956.

Kirpotin V.Ya. *Izbrannye raboty v trekh tomakh*. [Selected works in 3 volumes]. Moscow, 1978. Vol.2, Vol.3.

Kirpotin V.Ya. *Mir Dostoevskogo. Etyudy i issledovaniya*. [The world of Dostoevsky. Etudes and studies]. Moscow, 1980.

Nazirov R.G. *Tvorcheskie principy F. M. Dostoevskogo*. [F.M. Dostoevsky's Creative Principles]. Saratov, 1982.

Nechaeva V.S. *Rannij Dostoevskij 1821-1849*. [Early Dostoevsky 1821–1849]. Moscow, 1979.

Razumova N.E. «Stihi» i «fal'bala»: formirovanie ekzistencial'nogo diskursa v romane F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi». [“Poems” and “Falbala”: the formation of Existential Discourse in the novel “Poor Folk” by F. M. Dos-

toevsky»]. In: *Literaturnyj kalendar': knigi dnya*. [Literary calendar: books of the day]. 2009. No 4 (1).

Saraskina L.I. *Dostoevskij*. [F.M. Dostoevsky]. Moscow, 2011.

Feoktistov N.V. *Propavshie pis'ma Dostoevskogo*. [Dostoevsky's Missing Letters]. In: *Sibirskie ogni*. [Siberian lights]. 1928. No 2.

Fridlender G.M. *Realizm Dostoevskogo*. [Dostoevsky's realism]. Moscow–Leningrad, 1964.

Hronika roda Dostoevskih. [The Chronicle of the Dostoevsky family]. In: *Volgin I.L. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki*. [Relatives and friends: historical and biographical essays]. Moscow, 2013.

Shavrygin S.M. *Zhanrovaya struktura i struktury hudozhestvennogo soznaniya (na primere romana F. M. Dostoevskogo «Bednye lyudi»)*. [Genre structure and structures of Artistic Consciousness (on the example of F. M. Dostoevsky's novel "Poor Folk")]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University]. 2010. No 5 (49).

List of sources

Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*. [Full composition of writings]. In 30 volumes. Leningrad, 1972–1990.